

Герои
Великой Отечественной

Фронтовые мемуары
Победителей

Василий Крысов

**НА САМОХОДКАХ
ПРОТИВ «ТИГРОВ»**

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

МОСКВА
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2015

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К85

Дизайн переплета *Юрия Щербакова*

В коллаже на переплете использована фотография:
Matwey / Фотобанк Лори / Legion-Media.

В оформлении переплета также использован элемент дизайна:
Felix Lipov / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Крысов, Василий Семенович.

К85 На самоходках против «Тигров». На войне как на войне / Василий Крысов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 448 с. — (Герои Великой Отечественной. Фронтовые мемуары Победителей).

ISBN 978-5-699-79933-6

Автор этих уникальных мемуаров прошел кровавыми дорогами войны от Сталинграда до Кенигсберга. Воевал и на тяжелом танке КВ-1С, и на самоходках Су-122 и Су-85, и на легендарной «тридцатьчетверке». Четырежды горел в подбитых боевых машинах, но и сам расстрелял больше дюжины немецких панцеров, в том числе пять «Тигров» и «Фердинанд» (и это не тот случай, когда за «Тигры» выдавали длинноствольные экранированные Pz.IV, а за «Фердинанд» — любую немецкую самоходку с задним расположением боевого отделения, — нет, автор превосходно разобрался во вражеской бронетехнике и его словам можно верить).

Эта книга — неприукрашенная правда настоящего фронтовика, без парадных фанфар, «шапкозакидательства» и казенных славословий. Правда не только о подвигах и триумфах, но и об огромных потерях, самодурстве и преступных ошибках командования. О том, какую цену пришлось заплатить за Великую Победу и что скрывается за фронтовой поговоркой «На войне как на войне».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крысов В., 2015
© ООО «Издательство «Яуза»,
2015
© ООО «Издательство «Эксмо»,
2015

ISBN 978-5-699-79933-6

Часть первая

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

Глава первая

ВЧЕРАШНИЕ ШКОЛЬНИКИ

22 июня 1941 — 1 июля 1942

Так начиналась война...

Прошло уже больше полвека, как отгремели последние залпы войны, войны самой беспощадной, жестокой, кровавой; многие миллионы наших воинов полегли на полях сражений на своей земле и в чужеземных странах; реки слез были пролиты в семьях погибших, плакали матери, жены, дети, сестры, невесты, но разве можно утешить убитых горем родных и близких?!!

А мы воевали...

Мне довелось участвовать в боях под Сталинградом, в Курской битве, в битве за Днепр, освобождать Украину, Литву, Польшу и Восточную Пруссию. Сначала я был командиром тяжелого танка КВ-1С, затем командовал взводом и батареей самоходных артиллерийских установок СУ-122, их сменили самоходки СУ-85, и закончил я войну командиром роты танков Т-34-85.

А начиналось все так.

Выпускной вечер в нашей Истобенской средней школе Оричевского района Кировской области проходил в канун войны — 21 июня 1941 года. Хотя ходили упорные слухи, что вот-вот начнется война, но об этом как-то не думалось, взволнованные окончанием школы, расставанием с друзьями, веселые, жизнерадостные, беззаботные, мы до утра танцевали, гуляли по высокому берегу

Вятки. Не хотелось расходиться, все ощущали, что момент этот уже никогда не повторится. А в полдень яркого воскресного дня 22 июня мы узнали, что началась война.

Уже на следующий день в девять часов утра все ребята нашего класса осаждали двери райвоенкомата. Группа из тридцати выпускников Истобенской и Оричевской средних школ получила направление в Челябинское танковое училище. Ехали счастливые и гордые, с песнями, ведь все мы — без исключения! — были уверены, что Красная Армия всех сильнее и наши границы на замке, воевать будем только на чужой территории! То есть думали так, как много лет учили нас партия и правительство. Можно ли было даже предположить, что в это время на нашу западную границу уже обрушилась армада из 170 отборных дивизий, четырех танковых групп и четырех воздушных флотов, что они уже движутся по нашей земле, нанося сокрушительные удары по войскам Красной Армии, которым, как оказалось, было запрещено даже принимать боеготовность номер один.

В Челябинском танковом училище

В Челябинское танковое училище мы прибыли в середине июля сорок первого года. Курсантский состав оказался очень разнородным и по образованию, и по возрасту. Более половины нашего курса составляли люди с высшим образованием: инженеры, преподаватели, директора школ, артисты, агрономы, а также сержанты, уже участвовавшие в боях, и курсанты второго курса Казанского танкотехнического училища.

Распорядок дня был очень напряженный. Трехлетняя программа обучения была сжата до одного года, так как Кировский завод в Челябинске начал серийный выпуск тяжелых танков KB-1С, а танкистов, которые могли бы на них воевать, не хватало. Изучали боевую технику, вооружение, средства связи, топографию, тактику, правила стрельбы и многое другое. Мы, вчерашние школьники

ки, и курсанты с высшим образованием учились на равных, так что на учениях и занятиях приходилось изо всех сил состязаться с остальными сокурсниками. Мы брали упорством и цепкой молодой памятью. Но и те, и другие занимались, что называется, в поте лица.

Военное время сказывалось во всем. Кормили нас очень скромно. Вроде хороший паек был по тому времени, и норма нам выдавалась, но мы ведь еще росли и нам не хватало, мы все время добавки просили.

Форма курсанта была простая. Тогда погоны еще не ввели, на воротниках гимнастеров у нас были петлицы продолговатые из черного сукна и маленькие металлические эмблемы танков. На ногах — ботинки с обмотками. Вот команда: «Подъем!» За три минуты тебе нужно одеться, намотать обмотки и встать в строй. А нары в казарме двухъярусные, а еще темно, а обмотки, каждая два метра длиной — и должен успеть!

Физически нас хорошо закаляли. В ту зиму морозы стояли до сорока — сорока пяти градусов, а мы в нательном белье на зарядку бежали — и не болели!

Среди преподавателей были фронтовики, но они мало что рассказывали, а подходить специально с этим вопросом, расспрашивать мы стеснялись. Думаю, они не рассказывали потому, что нельзя было рассказывать. Скажи не то слово — контрразведчики тут сразу.

Вначале командиром взвода был лейтенант Максимов Иван Гурьевич, командиром роты — Горшков, лейтенант тоже. Командир батальона — Бойко. Толковый был мужик, молодец, требовательный. Присказка у него была, когда видел, что устали мы или приуныли: «Ест солдат солому, а хвост трубой!»

Зато не облегал нашу жизнь ротный старшина Толкачев. Это был очень несправедливый, грубый, непорядочный человек. Маленький, ниже среднего роста, конопатый, а злые глаза, казалось, прожигали ненавистью. Грубость его граничила с издевательством. Такие, при-

крываясь воинской дисциплиной, не знают удержу в глумлении над подчиненными, но, чуть что, празднуют труса. Что и доказал Толкачев, не явившись на выпускной вечер: видимо, опасался, что бывшие курсанты его изобьют, а назавтра уедут на фронт, и тогда ищи-свищи виноватого. Может, так и случилось бы, но в тот вечер Бог миловал нас от встречи с этой отвратительной особью рода человеческого. Удивительно, но этот никчемный тип молниеносно рос в званиях: в 1946-м я оказался в Челябинске и, естественно, зашел в училище, где встретил этого вояку уже майором.

Изучали мы КВ — тяжелый танк, тогда уже вышел КВ-1С. Но параллельно касались «тридцатьчетверки». Лазили и в трофейные танки Т-III, Т-IV. На все училище у нас было два КВ и две «тридцатьчетверки», поэтому вождением мы в основном на тракторе занимались. Практики было мало, потому что не было такой возможности, за год учебы, суммарно, практики вождения у меня было не более пары часов — 120 мотоминут.

Стреляли мы тоже не боевыми снарядами, а через вкладной ствол пулями или из спаренного пулемета ДТ по пушечной шкале.

Обучение тактике, например, так проходило. Выходит взвод на учения. Взводный командует флагами:

— Пешим по танковому! — и пошли в поле.

А почему «пешим»? Во взводе — три танка. Но танков-то нет! Вот и делится взвод на три экипажа, взводный дает команды флагами, и мы вместо танков боевые порядки принимаем: «линия», «уступом вправо», «уступом влево», «углом назад», «углом вперед».

Учили тактике борьбы с немецкими танками. Главное: определять дистанцию правильно и вести огонь — сразу на поражение! В артиллерии — там «широкая вилка», «узкая вилка», а у танков боекомплект небольшой был, поэтому учили нас сразу на поражение бить и, конечно, соображать, куда бить: в борт корпуса, в тыл башни — если башню у танка заклинит, то он уже небоеспособен.

собен. А чтобы быстрее вывести из строя вражеский танк, то огонь «в обрез», то есть по гусенице фугасным снарядом, и «в лоб» — бронебойным по башне.

Надо сказать, что стрелял я на «отлично» и закончил училище с круглыми пятерками. Тогда, правда, это преимуществ никаких не давало, не до того было. Нас готовили на командира танка. Тогда нужно было как можно больше командиров, потеряли ведь командный состав в первые же дни, недели войны, а до того Сталин поставился.

За все время учебы не было ни одного увольнения в город, гражданского населения мы, по существу, не видели. Такова была ситуация сорок первого — сорок второго годов и наше к ней отношение: чем больше немцы продвигались, тем интенсивнее относились к занятиям. Знали, что надо Родину спасать.

О поражениях, больших потерях сорок первого года мы не знали, это было сокрыто, как и то, что немцы имеют преимущество в живой силе и боевой технике. Знали, что заняли такой-то город, и то не обо всем нам говорили. Был у нас комиссар батальона старший политрук Пепеляев, он политинформации проводил, называл тех, кто отступал: «Паникеры! Труссы!» Погиб он потом, этот Пепеляев. И комбат наш Бойко погиб.

Чем труднее складывалась обстановка на фронтах, тем усерднее постигали военную науку курсанты. Занимались по 14—16 часов в сутки, спали мало, но зато через полгода учебы мы могли самостоятельно водить танки и научились стрелять из пушек и пулеметов. Невоможно трудно давалась стрельба с ходу! Танк мчится на больших скоростях по пересеченной местности, его подбрасывает на кочках, ухабах, в прицеле видно то землю, то небо, а нужно быстро отыскать цель, взять ее на вертикальный волосок шкалы прицела, уловить момент подхода угольника прицельной марки к цели — и именно в это мгновение нажать на спуск!

Я и теперь с большой благодарностью вспоминаю командиров и комиссаров училища, которые дали нам хорошую боевую выучку, физическую и моральную за-
калку.

«Поздравляю, товарищ лейтенант!»

20 июня начались выпускные экзамены по всем пред-
метам, включая строевую подготовку и даже штыковой
бой. Но, естественно, первым сдавали «марксизм-ле-
нинизм». На этом экзамене мне запомнился нестандарт-
ностью ответов курсант нашего взвода Иван Никифоро-
вич Жолудев. В мирной жизни он был кандидатом лесо-
технических наук, даже имел печатные труды, но был
еще и смелым человеком. На экзамене он поспорил со
старшим полковым комиссаром по поводу Брестского
мира и позиции левых коммунистов.

— Откуда вы это знаете? — спросил комиссар.

— Не обязательно быть в Париже, чтобы знать, что
Париж существует.

Нас его свободные высказывания всегда удивляли,
не принято да и небезопасно было возражать начальст-
ву, особенно по политическим вопросам.

Еще мне хорошо запомнился курсант Шумилин, быв-
ший артист Казанского драмтеатра. Даже на экзамене
по строевой подготовке поворот кругом он делал не-
пременно через правое плечо, а движение вперед начи-
нал исключительно с правой ноги. Шумилин и на других
занятиях и экзаменах не блистал, вечно все путал. Воз-
можно, он делал это умышленно, не хотел быть коман-
диром, чего и добился — на выпуске получил «старшего
сержанта».

Наконец настал долгожданный день выпуска. Утром
1 июля, сразу после завтрака, ротный каптенармус (по-
мощник старшины) ефрейтор Рябков выдал нам новое
командирское обмундирование: ремни, пилотки и кир-
зовые сапоги.

В 12.00 в новеньких командирских формах мы выстроились на плацу. На торжественном построении присутствовало все руководство и командование батальонов во главе с начальником училища полковником Наумовым, он возглавил училище после ранения, на фронте ему оторвало правую руку. Начальник огневого цикла майор Казиевский зачитал приказ наркома обороны о присвоении курсантам офицерских званий и пофамильные списки распределения выпускников по фронтам. В итоге напряженной военной учебы половина курсантов получила воинское звание «лейтенант», сорок пять процентов — звание «младший лейтенант», остальные — «старших сержантов». Я получил звание лейтенанта и в должности командира тяжелого танка КВ-1С направлялся на Юго-Восточный фронт, позднее переименованный в Сталинградский.

Церемония присвоения офицерского звания происходила очень торжественно. Называлась фамилия. Духовой оркестр играл туш, и курсант, чеканя шаг, выходил из строя и останавливался перед начальником училища. Оркестр смолкал. Майор Казиевский зачитывал строки из приказа наркома обороны о присвоении такому-то такого-то воинского звания и впервые, вместо привычного обращения «курсант», звучали сладостные для каждого из нас слова:

— Поздравляю, товарищ лейтенант, с присвоением первого офицерского звания! — и пожимал руку.

После чего полковник Наумов вручал новообращенному командирское удостоверение личности и тоже говорил:

— Поздравляю, товарищ лейтенант! — и мы понимали, что сейчас, перед отправкой на фронт, этим командирским удостоверением он, фронтовик, участвовавший в боях, как бы передает нам, еще не обстрелянным, вчерашним школьникам, эстафету и свое благословение, каждый чувствовал это очень остро.

Четко исполнив поворот кругом, молодой командир, опять под туш духового оркестра, возвращался в строй.

Получившие звание лейтенанта возвращались радостные, остальные — унылыми, вроде обиженными, мол, несправедливо их обошли. Зато курсанты 4-го взвода нашей роты все поголовно стали лейтенантами, экзамены они сдали лучше всех, так как до Челябинска закончили два курса военного училища в Казани.

До отправки на фронт нам предоставили сутки отпуска и выдали по 600 рублей — первую авансовую получку! Радостные и гордые, мы отправились в город фотографироваться и, по возможности, купить что-нибудь на выпускной вечер. Буханка хлеба на рынке стоила 200 рублей, так что особенно не разбежишься. Затем писали письма домой, друзьям, девушкам.

В восемь часов собрались в столовой на прощальный ужин. Естественно, в меру выпили, отмечая выпуск, командирские звания и расставание с сокурсниками — все разъезжались по разным фронтам; а потом в клубе смотрели концерт.

Через день наша группа из пятидесяти человек пассажирским поездом выехала на Саратов.

На пути к фронту

В Саратове мы сразу столкнулись с неприятностями. Во-первых, немцы начали бомбить город и мост через Волгу, соединяющий Саратов с Энгельсом. В городе началась паника! Бежали кто куда, и тут, воспользовавшись общей сумятицей, какой-то диверсант на ходу выстрелил из толпы ракетами в направлении моста, дав целеуказание вражеским летчикам. Попасть в мост люфтваффовцам все же не удалось, но одну баржу возле моста они потопили.

После бомбежки мы пошли обедать в гарнизонную столовую, и тут выяснилась вторая неприятность. Кормить нас отказались, так как старший группы — сопровождавший нас лейтенант из штата училища, забыл

взять продовольственный аттестат и тем обрек нас на голодное существование. Некоторые предлагали обыскать лейтенанта, говоря, что не мог он забыть аттестат, мы отлично помнили, что на вокзале Челябинска провожавшее нас руководство училища справлялось у лейтенанта, все ли документы взяты. Большинство сочло обыск унижительным для себя, и пришлось нам до самого Сталинграда выкручиваться самим: продавали и обменивали на хлеб у кого что имелось — мыло, новое нательное белье, часы.

До Камышина ехали товарным поездом, часто оставаясь из-за разбомбленных железнодорожных путей. На станции Паницкая поезд простоял долго. Здесь нас поразила преступная дикость властей. Рядом горел очень большой элеватор, но часовой не подпускал полуголодных жителей к горевшему зерну. Так распорядились власти: пусть сгорит, но жителям не дадим! Мы всей группой пошли к элеватору и набрали в полы шинелей много пшеницы. По командирам часовой стрелять побоялся. Уже в пути раздобыли ведра и варили добытую пшеницу, получалось нечто вроде каши, ею и питались до самого Камышина.

В Камышин прибыли ночью. В наш освободившийся эшелон сразу начали грузить раненых. Мы прошли через весь город. Увиденное всех потрясло. Город часто бомбили, и он был переполнен ранеными, а тела умерших валялись прямо на улицах. В промежутках между разрывами бомб слышались слабые голоса моливших о помощи. Медперсонала было мало, раненые сутками лежали на земле без перевязки, даже напоить их было некому. Перед нами впервые открылось истинное лицо войны, и впечатление это произвело очень сильное.

К рассвету мы вышли на южную окраину города и двинулись в заданном направлении. Тогда еще не было железной дороги Камышин—Сталинград, и шли мы пешком, через казачьи станицы и села бывшей респуб-

лики немцев Поволжья. Поражали благоустройство, чистота, рациональность хозпостроек и полей. Первая ночевка была в селе Гусенбах, там мы хорошо, без бомбежки, поспали.

Шли мы очень быстро, останавливаясь только возле ключей, чтобы напиться. Вражеские истребители начали нас преследовать, поэтому мы заблаговременно высматривали места для укрытия. В станицах нас встречали по-разному, но неукоснительно, если просились переночевать, требовали справку от коменданта, а комендатуры, как правило, находились километрах в пятнадцать. Поэтому мы шли в поле и укладывались в стогах сена или скирдах соломы. Но в поле поспать как следует не удавалось. Тем летом было настоящее нашествие крыс и мышей! Видимо, их будоражил гром бомбежек. Всю ночь приходилось сбрасывать с себя этих назойливых тварей и еще нужно было сберечь остатки «пшеничной каши», чтобы грызуны не проникли под доски, которыми мы закрывали ведра. Последние дни питались семечками, набирая полные карманы из арб, едущих на пункты сдачи. Казачки были очень ласковы и не ругались, может, потому, что многие командиры были симпатичными, а может, жалели нас, понимая, что идем мы на смертный бой и многим не суждено вернуться.

От Камышина до Сталинграда мы прошли за шесть суток и без потерь, хотя обстрелы и бомбежки настигали нас по нескольку раз на день.

Глава вторая

В БОЯХ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Август 1942 — январь 1943

Командир тяжелого танка

В отделе кадров Юго-Восточного фронта нас, новичков, быстро распределили по частям и соединениям. Николай Давыдов, Миша Мардер и я — в училище мы

были в одной роте, попали в 158-ю отдельную тяжелую танковую бригаду. Ко времени нашего прибытия бригада находилась на станции Кривомузгинская недалеко от Калача-на-Дону. Бригада уже участвовала в боях, отступая от Волчанска, где вела тяжелые бои с танковым корпусом, потеряв 41 танк и половину личного состава, зато 40-й немецкий танковый корпус потерял 85 танков и много живой силы.

Мы с Мардером оказались в одном взводе. Экипаж хорошо нас встретил. Командовал взводом опытный фронтовик младший лейтенант Матвей Серов. В то время в экипаже тяжелого танка было два офицера, в моем танке вторым офицером был механик-водитель младший лейтенант Талаш Сафин, по национальности башкир. Мы его звали просто Толя. Толя, как и я, прошел ускоренный годовой курс в Челябинском танковом училище (их выпустили чуть раньше), поэтому за механика-водителя можно было не беспокоиться. Наводчиком был сержант Виктор Белов, заряжающим — младший сержант Михаил Творогов, он же мог быть и вторым водителем; радистом-пулеметчиком был младший сержант Николай Орлов. Все члены экипажа — молодые, сильные ребята, но все из последнего пополнения, еще не участвовали в боях. Младший, сержантский, состав экипажа прошел только трехмесячную подготовку в учебном танковом полку в том же Челябинске, имел явно недостаточно практики вождения танка, как и опыта в стрельбе.

Танки нам дали КВ-1С, прошедшие капитальный ремонт на Сталинградском тракторном заводе. Танки КВ-1С имели 75-мм лобовую броню и 50-мм бортовую, мы уже знали, что немцы, используя подкалиберные и кумулятивные снаряды, пробивают броню КВ с расстояния 1000 метров. В мае, к концу обучения, к нашему училищу привезли два сгоревших КВ, мы тогда внимательно осмотрели пробитые отверстия и поняли: в бою экипаж должен действовать молниеносно, автоматиче-